

УДК 811.11

В.Ю. ЯГОТИНЦЕВА
(*ms.jagodk@bk.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР КАК КОМПОНЕНТ ИДИОСТИЛЯ БИРГИТ ВАНДЕРБЕКЕ*

Проведено разграничение понятий идиолект и идиостиль, определены компоненты идиостиля. На материале романов “Das Muschelessen” и “Ich will meinen Mord” современной немецкой писательницы Биргит Вандербеке выявлено основное художественно-выразительное средство ее стиля – лексический повтор. Установлены его прагматическая функция и роль в раскрытии персонажей и идеи произведений.

Ключевые слова: *идиостиль, идиолект, лексический повтор, текст, пассаж, персонаж.*

После ознакомления с несколькими произведениями одного автора многие читатели способны узнать его «почерк» в дальнейшем: по затрагиваемым в книгах темам, по построению текста, по предпочитаемым стилистическим приемам. Иными словами, по тем особенностям, которые принято называть «стилем писателя». В отечественной лингвистике тем не менее существуют два схожих понятия для обозначения отличительных черт индивидуального языка: идиостиль и идиолект. В данной статье задача состоит в попытке разграничить данные понятия, установить компоненты идиостиля и на примере творчества современной немецкой писательницы Биргит Вандербеке проанализировать один из них.

Согласно трактовке В.Г. Щукина, под идиолектом следует понимать комплекс речевых средств, который человек усваивает и расширяет в процессе коммуникации в течение всей жизни [18, с. 3]. К его взгляду на содержание данного понятия присоединяется В.В. Леденева, определяющая идиолект как результат персонального овладения единицами национального языка в системе [11, с. 12]. Таким образом, можно сделать вывод, что идиолект представляет собой набор усвоенных индивидом языковых единиц, а также способов их организации в речи.

Чем же отличается подобное толкование идиолекта от сущности идиостиля? По мнению таких ученых, как М.А. Федотова и В.П. Григорьев, в основе понятия «идиостиль» лежит «индивидуальный способ, которым исполнены данный речевой акт или произведение» [15, с. 225], уникальный набор «лингвостилистических средств, отображающих творческую манеру автора» [6, с. 134]. Как следует из приведенных цитат, лингвисты делают акцент на специфике реализации тех языковых средств, которыми располагает писатель.

Каждый человек обладает, как уже было отмечено ранее, уникальным комплектом лексем, синтаксических конструкций, средств выразительности языка, с помощью которых он может высказать одну и ту же мысль по-разному. От их подбора во многом зависит реализация коммуникативного замысла автора. Именно в выборе необходимого варианта из всех составляющих авторской системы языка видит суть идиостиля исследователь К.А. Долинин [7, с. 189]. Вслед за ним В.А. Пищальникова раскрывает данное понятие как связанную систему способов выражения смыслов, сформировавшуюся в результате «применения своеобразных принципов отбора, комбинирования и мотивированного использования элементов языка» [12, с. 20]. При этом решающую роль в предпочтении конкретного элемента остальным играет эстетическая и коммуникативная цель сообщения, его прагматический потенциал [5, с. 7]. Их реализации в значительной мере способствует выбор стилистических приемов [8, с. 49–52; 9, с. 97–100]. Закономерности в осуществлении выбора тех или иных языковых средств и стилистических приемов М.А. Федотова называет частью «инвариатного кода писателя», включающего в себя конкретные «единицы тематичес-

* Работа выполнена под руководством Красавского Н.А., доктора филологических наук, профессора кафедры немецкого языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

кого и композиционного уровней, грамматические средства, определяющие смысловое развертывание текста» [15, с. 225].

Даже обычные читатели, не изучающие лингвистику профессионально, замечают те стилистические приемы, тропы и фигуры, которые автор использует особенно часто. Например, хорошо известно, что характерной особенностью романов Томаса Манна являются детальные, подробные описания с большим количеством разнообразных определений. Таким образом, Т.А. Чернышева подчеркивает важность частотности употребления конкретных слов или художественно-выразительных средств, причисляя предпочитаемые писателем более других к компонентам его идиостиля [16, с. 30].

Идиостиль представляет собой уникальный способ отбора, сочетания и использования идиолекта (индивидуальной системы языковых средств, усвоенных человеком в процессе жизнедеятельности), мотивированный определенной коммуникативной целью.

Итак, одним из компонентов идиостиля являются часто применяемые писателем художественно-выразительные средства. Проанализировав выбранный нами практический материал – два романа современной немецкой писательницы Биргит Вандербеке “Das Muschelessen” и “Ich will meinen Morgd”, – мы установили, что к идиостилю данного автора относятся повторы различного типа, включая синтаксические (параллелизм, хиазм), лексико-синтаксические (эпифора, анафора, анадиплосис) и лексические. В данной статье будут рассмотрены последние как наиболее предпочитаемые автором и играющие существенную роль в раскрытии характера протагонистов и идеи произведений.

Перед тем как приступить к иллюстрации использования лексических повторов в текстах Б. Вандербеке, необходимо изучить сущность данного языкового явления. О.Н. Лагута предлагает определять этот стилистический термин как «повторение одной и той же словоформы на обозримом участке текста» [10, с. 28], обращая внимание на близость расположения одинаковых слов и идентичность их грамматической формы. По мнению Ю.А. Жлухтенко и А.А. Леонтьева, повтор может считаться стилистическим приемом, если слово или словосочетание появляется несколько раз «в составе одного предложения, абзаца или целого текста» [13, с. 78]. Такое понимание позволяет рассматривать повтор не только отдельных словоформ, но и меняющихся лексем в рамках всего произведения и проследить основные авторские идеи и концепты, выражаемые ими. Т.И. Сильман, например, считает лексический повтор «словом-темой, обеспечивающей движение сюжетного мотива» [14, с. 72]. Переход от одной серии лексических повторов к другой, таким образом, свидетельствует о переходе к новому лейтмотиву.

Отечественные стилисты выделяют такие функции лексического повтора, как логическое ударение [4, с. 211], акцентирование внимания читателя на ключевых словах [17, с. 122], смысловое и эмоциональное усиление части высказывания [2, с. 103]. Л.П. Водясова и Е.А. Жиндеева в качестве ведущей указывают функцию логической связи синтаксически самостоятельных предложений [3, с. 38]. Следовательно, лексическим повтором называется стилистический прием, предполагающий употребление одной и той же лексемы в обозримом контексте с целью эмоционального и логического акцентирования ключевого понятия и связи самостоятельных предложений между собой. Упомянутые в данной дефиниции признаки лежат в основе множества классификаций. Значимым для нашего исследования является разделение повторов по близости расположения в тексте на контактные (многократное появление идентичных лексем в одной и той же синтагме или в смежных синтагмах) и дистантные (повторяющиеся слова и словосочетания находятся в разных речевых сегментах), предложенное М.П. Брандес [2, с. 103–104], Л.П. Водясовой и Е.А. Жиндеевой [3, с. 42]. Вторая группа представляет наибольший интерес, т. к. наряду с выполнением функций контактного повтора дистантные отражают главные сюжетные мотивы произведения.

По полноте совпадения основы И.В. Арнольд различает частичные (при повторе однокоренных слов, относящихся к разным частям речи) и полные (многократное появление в тексте лексем с идентичной основой) [1, с. 130]. Данная классификация также имеет значение при анализе идиостиля,

т. к., по мнению Л.П. Водясовой и Е.А. Жиндеевой, использование частичных повторов способствует возникновению игры слов, которая организует «различные типы движения» в произведении: мысли автора и взора читателя, переход от тождественности к различию понятий и, наоборот, фокусировка и ослабление внимания получателя текста [3, с. 41].

Одним из главных доказательств принадлежности лексического повтора как основного стилистического приема к идиостилю Биргит Вандербеке является частота его применения в ее произведениях. На материале романа “Das Muschelessen” было выявлено 339 случаев употребления лексических повторов, в романе “Ich will meinen Mord” – 1475. В приведенной ниже таблице показано количественное распределение обнаруженных повторов по группам, соответствующим двум используемым нами классификациям (см. табл.).

Лексические повторы в романах Биргит Вандербеке

Название романа/ Вид повторов	По близости расположения в тексте		По полноте совпадения лексем	
	Контактные	Дистантные	Полностью совпадающие	Частично совпадающие
Ich will meinen Mord	621	854	1066	409
Das Muschelessen	207	132	275	64

Разберем коммуникативную интенцию Биргит Вандербеке на примере пассажа из романа “Ich will meinen Mord” («Я хочу быть убитой»). Сюжет данного произведения охватывает несколько часов, проведенных писательницей-рассказчицей в поезде, в течение которых она придумывает истории о своих попутчиках. Б. Вандербеке «играет» на грани выдумки и реальности, на схождении и расхождении сюжетных линий выдуманных героев, резкие повороты в повествовании осуществляются преимущественно посредством использования перечисленных видов лексического повтора. Так, в самом начале книги рассказчица (говорящая, очевидно, от лица самого автора) делится с читателем трудностями профессии писателя на конкретном примере: “*Auf den ersten Seiten* tun meine Leute, was ich ihnen sage. Wenn ich sie in eine Bar schicke und dort *weißen Whisky* trinken lasse, gehen sie widerstandslos hinein und trinken den *weißen Whisky*, anstatt Kaffee zu bestellen oder Bier oder Limonade. Sie fragen nicht einmal, warum *ausgerechnet* sie in *ausgerechnet* dieser Bar *ausgerechnet weißen Whisky* trinken müssen, alle anderen Gäste trinken Bier, der Kellner versteht nicht, was sie verlangen, weil es alle möglichen Sorten *Whisky* gibt, aber von *weißem Whisky* hat er noch nie gehört, meine Leute würden auch viel lieber Bier trinken, als sich erst mit dem Kellner und sodann mit dem Wirt über die Existenz *weißen Whiskys* zu unterhalten, die dieser bei aller Höflichkeit rundheraus wenn nicht abstreitet, so doch lebhaft bezweifelt. *Auf den ersten Seiten* bringe ich sogar den Wirt dazu, seine Frau sich an eine Flasche *weißen Whisky* erinnern zu lassen, die irgendwo endgelagert im Keller herumliegt, Geschenk eines Gastes nach einer Irlandreise, und schließlich sitzen sie brav in der Bar und trinken meinen überbeuerten *weißen Whisky*, weil ich es will. Leider geht das nur *auf den ersten Seiten*. Nach und nach werden sie renitent” [20, с. 5]. Из этого пассажа мы узнаем, что на *первых страницах* (*auf den ersten Seiten* – 3 случая употребления) персонажи, как правило, поступают так, как велит им автор, но впоследствии изменяют своей покорности. Дистантный повтор *auf den ersten Seiten* подчеркивает временность послушания героев, а контактный *ausgerechnet* (именно – 3 словоупотребления) – абсолютность их повиновения в начале. Безропотно выполняемый приказ выпить *белого виски* (*weißen Whisky* – 7 случаев употребления) также наглядно демонстрирует полное подчинение героев воле писательницы, а постоянные повторы (как контактные, так и дистантные) служат логическому выделению редкого сорта виски, которого, скорее всего, даже нет в предполагаемом баре, показывая абсурдность желания рассказчицы, и возводят словосочетание “*weißer Whisky*” в статус ключевого понятия новеллы, ассоциируемого со «строптивостью» и «послушанием» действующих

лиц и в целом со сложностью создания произведений. Такое воздействие на читателя оказывает появление данной лексемы в следующем отрывке:

“Der Inspektor links neben mir wird das Weihnachtsfest wie immer mit seiner Familie verbringen, die aus sage und schreibe *zweiundfünfzig Personen* besteht, den neun Geschwistern des Inspektors sowie den Eltern und den insgesamt siebenundzwanzig Kindern der zehn Geschwister und – Ich will es nicht wissen! Bitte nicht! In der Toilette eine *leichte Übelkeit*, eine **Panik** im Magen, infolge des Hungers, infolge der unerträglichen Vorstellung, weitere *zweiundfünfzig Personen führen zu müssen*, *zweiundfünfzig Personen*. <...> *Zweiundfünfzig Personen führen zu müssen*, das heißt: für vierunddreißig Personen (die achtzehn Minderjährigen abgezogen) nicht nur zu wissen, wo sie das Kreuzchen machen, sondern auch noch warum; eine *leichte panische Übelkeit*, Durst: Eau non potable, untrinkbares Zugwasser anstatt eines **weißen Whiskys**, jede einzelne dieser *zweiundfünfzig Personen* in ein Leben zu stecken ist schriftstellerisch ein Alptraum...” [20, с. 51]. Когда один из уже созданных персонажей вдруг упоминает свою большую семью, писательница впадает в **пануку** от количества новых героев, которых придется ввести в повествование: *пятьдесят два человека (zweiundfünfzig Personen – 5 словоупотреблений)* со своей предысторией и мотивацией. Дистантные и контактные повторы этого словосочетания демонстрируют состояние ужаса рассказчицы от объема предстоящей работы, а всплывший знакомый сорт **белого виски**, вместо которого девушке-автору в прямом и переносном смысле приходится пить непотребную поездную воду, символизирует поставленный под угрозу сюжет истории.

В приведенном текстовом пассаже бросается в глаза и частичный повтор на фоне полного: *eine leichte Übelkeit*, eine **Panik** im Magen – *eine leichte panische Übelkeit*. С помощью такой игры слов Биргит Вандербеке акцентирует внимание на состоянии писательницы. Метафоричность словосочетания *eine Panik im Magen*, выражающая ее плохое самочувствие, раскрывает с изменением части речи и стилистической функции причину ее тошноты.

В книге Б. Вандербеке “Das Muschlessen” лексический повтор используется, как следует из результатов произведенного нами количественного подсчета, реже, однако также является одним из ключевых художественно-выразительных средств, с помощью которых автор раскрывает основную идею произведения. Действие романа разворачивается вечером дня, когда отец семейства должен вернуться из командировки, а его жена, дочь и сын ждут его, приготовив ужин из моллюсков. В отсутствии отца остальные домочадцы предаются далеко не самым приятным воспоминаниям о совместной жизни с ним и постепенно приходят к осознанию, что лучше бы ему не возвращаться. Дистантный полный повтор словосочетания “richtige Familie”, встречающийся читателю в тексте всего произведения двадцать шесть раз, можно считать экспликацией главной причины такого отношения семьи к ее главе: “... mein Bruder und ich es besser fänden, wenn er [Vater] nicht käme, am besten überhaupt nicht mehr käme, weil es uns keinen Spaß mehr machte, eine *richtige Familie*, wie er es nannte, zu sein, in Wirklichkeit, haben wir gefunden, waren wir keine *richtige Familie*, alles in dieser *Familie* drehte sich nur darum, dass wir so tun mussten, als ob wir eine *richtige Familie* wären, wie mein Vater sich eine *Familie* vorgestellt hat, weil er keine gehabt hat und also nicht wusste, was eine *richtige Familie* ist, wovon er jedoch die genauesten Vorstellungen entwickelt hatte...” [19, с. 16–17].

Отец, имеющий собственное представление о правильной семье, на протяжении долгих лет терроризирует жену и детей, пытаясь приблизить их к придуманному идеалу. Это понятие, которое глава семейства вбивает в головы своих домочадцев и содержанию которого требует соответствовать, отображает посредством своего повторения крайнюю степень усталости и раздражения матери, сына и дочери, выражает суть основной сюжетной линии и идею романа: демонстрацию домашнего насилия (как психологического, так и физического) с целью его предотвращения.

Персонаж жены изображается автором как наиболее покладистый и слабовольный, готовый подстраиваться под деспотичного мужа. Для создания подобного образа Биргит Вандербеке прибегает к частичному дистантному лексическому повтору: “... meine Mutter ist rasch im Bad verschwunden

und hat sich vorsichtshalber gekämmt und die Lippen mit Lippenstift nachgezogen, <...> und mit ihrem *Feierabendgesicht* ist sie herumgegangen und hat gesagt, er wird schon bald kommen. Meine Mutter hat sich oft an einem Tag gleich mehrmals *umgestellt*, und zu jeder *Umstellung* hat ein neues *Gesicht* gehört. In der Schule hat sie das seriöse *Gesicht* gehabt und ist streng gewesen, <...> ihr *Schulgesicht* war wirklich furchteinflößend <...>. Zu Hause hat sie das abgespannte, erschöpfte *Gesicht* gehabt, das *Haushaltsgesicht*...» [19, с. 13]. Повторяющийся корень *Gesicht* (*лицо* – 6 словоупотреблений) в сложных словах, каждое из которых относится к определенному окружению, в котором женщина надевает свою «маску» (*Feierabendgesicht* – праздничный облик для мужа; *Schulgesicht* – строгий вид учительницы для школьников; *Haushaltsgesicht* – изможденное лицо дома) иллюстрирует ее способность приспосабливаться к меняющейся ситуации. Контактный повтор основы в лексемах *umgestellt* (*непестриваться*), *Umstellung* (*перенастройка*) только подчеркивает ее стремление угодить другим, в особенности – мужу.

Подводя итоги исследования, следует снова сконцентрировать внимание на понятии идиостиля, включающем в себя индивидуальные способы отбора, комбинирования и мотивированного использования того набора языковых средств, которыми автор овладел в течение жизни. Таким образом, в идиостиль входят и предпочитаемые писателем стилистические приемы и художественно-выразительные средства. Анализируя творчество Биргит Вандербеке, мы пришли к выводу, что характерным для ее стиля тропом является лексический повтор (называние одного и того же слова или словосочетания в обозримом контексте с целью их эмоционального и логического выделения и связи предложений между собой) различных видов. С помощью данного тропа писательница обозначает лейтмотивы произведений и их переплетение, описывает персонажей и объясняет мотивы их поведения и сам мир чувств, наполняет отдельные лексемы субъективным метафорическим содержанием.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования. 3-е изд. М.: Просвещение, 1990.
2. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983.
3. Водясова Л.П., Жиндеева Е.А. Лексический повтор как текстообразующий компонент и стилистический прием выразительности в художественном пространстве К.Г. Абрамова // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2012. № 17(271). С. 37–43.
4. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Либроком, 2010.
5. Грибова Н.Н. Реализация концепта «искусство» как проявление идиостиля писателя (на материале произведений Э.Т.А. Гофмана и М.А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.
6. Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М.: Наука, 1983.
7. Долинин К.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1985.
8. Красавский Н.А. Биоморфная метафора как способ экспликации эмоций в немецких и русских художественных текстах // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2013. № 9(84). С. 49–52.
9. Красавский Н.А., Блинова И.С. Художественно-выразительные ресурсы метафоры и эпитета в произведениях Стефана Цвейга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-1(64). С. 97–100.
10. Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1999.
11. Леденева В.В. Идиостиль как система отношений // Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2001. № 3-5(23). С. 12.
12. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1992.
13. Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия / под ред. Ю.А. Жлухтенко и А.А. Леонтьева. Киев: Вища школа, 2009.
14. Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы). Л.: Просвещение, 1967.
15. Федотова М.А. К вопросу о разграничении понятий идиостиль и идиолект языковой личности // Записки романогерманской филологии. 2013. № 1(30). С. 220–226.
16. Чернышева Т.А. Идиостиль: лингвистические контуры изучения // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2010. № 1(24). С. 29–33.
17. Шаховский В.И. Стилистика английского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
18. Щукин В.Г. Лингвистические аспекты проблемы идиолекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978.
19. Vanderbeke Birgit. Das Muschelessen. Frankfurt am Mein: Fischer Taschenbuch Verlag, 1997.
20. Vanderbeke Birgit. Ich will meinen Mord. Berlin: Rowohlt Berlin Verlag GmbH, 1995.

VICTORIYA YAGOTINCEVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**LEXICAL REPETITION AS A COMPONENT OF INDIVIDUAL STYLE
OF BIRGIT VANDERBEKE**

There are differentiated the notions of idiolect and individual style. There are defined the components of individual style. There is revealed the basic artistic-expressive means of its individual style – lexical repetition based on the novels “Das Muschelessen” and “Ich will meinen Mord” by the modern German writer Birgit Vanderbeke. There are stated its pragmatic function and the role in describing the characters and the ideas of the novels.

Key words: individual style, idiolect, lexical repetition, text, passage, character.